

Отзыв официального оппонента

на диссертацию Богомолова Игоря Константиновича

«Цензура в России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 годов», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Обращение к истории институтов надзора за содержанием и распространением информации едва ли когда-нибудь утратит злободневность и должно способствовать выработке ответов на современные угрозы. Разумеется, от исторического труда не стоит ожидать готовых рецептов их предотвращения или минимизации, однако сделанные в ходе диссертационного исследования Богомолова И.К. обобщения, безусловно, заслуживают внимания тех, кто сейчас отвечает за обеспечение безопасности власти и социума. Актуальность выбранной темы усиливается и тем, что в диссертации изучается опыт цензуры в военных условиях, естественным образом умножавших вызовы государству и заставлявших последнее использовать специфические методы противодействия разрушительным или, как сейчас говорят, деструктивным силам.

Обстоятельный анализ трудов предшественников во введении (т. 1, с. 18–48) показывает, что целостного представления об истории цензуры в годы Первой мировой войны в историографии не имеется, и, восполняя данную лакуну, представленная диссертация претендует на значительную научную новизну. Выпадающим из разряда заурядных представляется примененный подход, когда изучаемое явление рассматривается в рамках хотя и незначительного по продолжительности, но охватывавшего эпохальные изменения периода. Объект исследования – «институт цензуры как регулятор общественно-политических и культурных процессов» (т. 1, с. 6) – показан через призму последовательно сменявшихся политических режимов: царского, Временного правительства и советского.

Поставленной в работе цели – «комплексно проанализировать государственную цензурную политику и цензурные практики» – вполне отвечают сформулированные задачи (т. 1, с. 7–8), решая которые Богомолу И.К. удастся всесторонне исследовать цензуру военного времени. Задачам соответствует предложенная автором структура диссертационного сочинения, а методологические ключи, хотя, как кажется, не претендуют на оригинальность, но подобраны должным образом для достижения научных результатов. В части введения, посвященной методологической основе, объясняется авторское понимание цензуры, что, может быть, имело бы смысл сделать раньше в описании объекта исследования – это и институт государства, и деятельность, направленная на ограничение свободы слова (т. 1, с. 16). В связи с этим хотелось бы спросить автора, всё ли изучаемое в диссертации подходит под данное определение, в частности, неоднократно упоминаемая в работе самоцензура?

Диссертация базируется на весьма широком круге исторических источников, большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Отличающаяся разнообразием источниковая база работы вполне квалифицированно презентуется во введении (т. 1, с. 48–59). В исследовании задействованы материалы, наверное, всех возможных применительно к теме и периоду исследования групп источников – нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, справочно-статистические издания, публицистика, периодическая печать, источники личного происхождения, – а значимость каждой из них для диссертации находит объяснение. Отдельно заслуживает уважения труд, проделанный по поиску, извлечению и обработке архивных документов. В диссертации использованы дела из архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Еревана, Минска, Калуги, Смоленска, Владивостока и ряда других городов.

Несомненна высокая теоретическая и практическая значимость диссертационного сочинения, результаты которого будут востребованы

историками и найдут применение в учебной литературе. Благодаря исследованию Богомолова И.К. пополнились знания в области политической и социальной истории, истории культуры. Наверняка найдутся последователи, которыми будет использован примененный в диссертации подход, ориентирующий рассматривать определенное явление в эпоху кардинальных (революционных) перемен и, поскольку такое явление изучается на стыках эпох и в разных состояниях, в череде разрывов и преемственности, позволяющий производить его более глубокий и всесторонний анализ.

Работа состоит из пяти глав, определенных по проблемно-хронологическому принципу. Четыре первые главы посвящены органам и процедурам цензуры последних лет существования Российской империи, а заканчивающая диссертационное сочинение глава знакомит читателя с развитием цензуры при Временном правительстве и советской власти в завершающий год участия страны в Первой мировой войне.

Вопросы организации цензуры рассматриваются в первой главе. Она начинается с подводящих к военному периоду двух параграфов (т. 1, с. 67–93), рассказывающих о проблемах цензурных политики и практик еще в мирное время. Правила 1905–1906 гг. о периодической печати, отменившие предварительную цензуру и вводившие явочный режим образования газет и журналов, не упорядочили дело наблюдения за газетами и журналами, оставили издателям возможность обходить административные препятствия. Создается впечатление, подтверждающееся содержанием дискуссий о цензурной реформе накануне мировой войны, что власти оказались неспособными согласовать программу этого преобразования и наладить эффективный контроль над прессой.

Русско-японская война, до которой специальные цензурные подразделения в армии отсутствовали, заставила армейское командование уже в ходе боевых действий оперативно решать вопросы военной цензуры, в

частности, создавать на фронте цензурные комиссии и отделения. Однако, как и в случае с гражданской цензурой, информация находила пути распространения в обход военных цензоров, свидетельством чего были многочисленные публикации в русской и иностранной прессе секретных сведений. В 1906–1914 гг. стремление усилить военно-цензурный надзор воплотилось в повышении ответственности прессы за разглашение секретной информации, введении военно-цензурных отделений в структуре штабов фронтов и армий, разработке положения о военной цензуре.

Данное положение было принято фактически одновременно с началом Первой мировой войны, уже в условиях которой происходило формирование военно-цензурной системы, о чем говорится в третьем параграфе первой главы диссертации (т. 1, с. 93–133). Составленное в спешке «Временное положение о военной цензуре» оказалось документом, не давшим цензурной службе четкой структуры и вообще оставившим много неопределенностей. Так, в акте не имелось указаний на низовые структурные подразделения органов цензуры, а для последующей практики военно-цензурных учреждений была свойственна неразбериха в вопросе подчиненности состоявших в разных ведомствах военных цензоров, доводившая до конфликтов. Обобщая, Богомолов И.К. констатирует, что участие в работе цензуры разных ведомств лишь усложняло задачу создания эффективной военной цензуры, к тому же перенявшей общие недостатки государственного управления в годы войны.

Возникала необходимость совершенствования военно-цензурной системы, чему посвящен следующий параграф работы (т. 1, с. 133–152). В нем рассказывается о структурных изменениях и мерах, направленных на упорядочение работы цензоров. Обсуждались проекты, принимались новые и перерабатывались прежние инструкции касательно военной цензуры, но это, видимо, не слишком улучшало положение дел. «Организационная неразбериха», «недофинансирование», «хронические трудности»,

«беспорядок денежной части» – набор таких выражений применяет автор в рассматриваемой части диссертации.

В завершающих главу параграфах исследуется контингент цензоров (т. 1, с. 155–187). Война сделала необходимым значительное увеличение их состава, но наборы работников едва ли сполна удовлетворяли потребности, и Богомолов И.К. неоднократно указывает на существовавший в цензорской службе кадровый дефицит. Между тем в тексте упоминаются в качестве цензоров представители дворянских родов, контр-адмирал, бывший вице-губернатор со знанием до 20 языков, вообще лица, владевшие несколькими иностранными языками, член Государственного совета, то есть люди высокостатусные и специалисты. В связи с этим хотелось бы услышать от диссертанта, насколько привлекательной и престижной являлась цензорская работа?

Само название последнего параграфа главы – «Женщины в военно-цензурной системе: от “переводчиц” к цензорам» – говорит о некоторых гендерных подвижках. Как известно, в годы Первой мировой войны из-за мобилизации мужчин спрос на женский труд значительно увеличился, и россиянкам разрешалось работать даже там, где раньше этого не допускалось. Богомолов И.К. в целом подтверждает такую тенденцию: несмотря на некоторое недоверие к служащим женского пола, их доля и значимость в цензуре возрастали. Вообще военные годы стали проверкой женщин на профпригодность в самых разных областях. Однако в диссертации ничего не сказано о качестве работы россиянок-цензоров, а такая информация была бы чрезвычайно интересной и важной для понимания специфики работы цензуры.

Последующие три главы диссертационного сочинения знакомят с развитием цензуры в отдельных сферах. Вторая глава посвящена средствам передачи информации и грузов – почте и телеграфу (т. 1, с. 188–271). Военная цензура стала внедряться там с началом боевых действий и к

Февральской революции представляла собой значительную структуру. Так, только в столичном Главном телеграфе она состояла из десяти отделов, где трудились более четырех сотен цензоров, а военная цензура в петроградском Главпочтамте разрослась до 11 отделов. Хотя почтово-телеграфная цензура кажется внушительной машиной, из-за ограниченности ресурсов и гигантского объема просматриваемой корреспонденции она не вполне справлялась с работой. Результатом была медленность, вызывавшая недовольство отправителей и адресатов, вынужденных, между прочим, искать пути обхода цензурных органов.

Специально рассматривается роль военной цензуры в пресечении шпионажа. Высокий уровень секретности такой работы предполагал для ее осуществления особенный отбор сотрудников, но, как указывает Богомолов И.К., из-за дефицита кадров и организационной неустроенности службы зачастую досмотром занимались обычные дежурные цензоры. Это следует признать значительным недостатком не только с точки зрения оберегания государственных секретов, но и потому, что для контрразведывательной деятельности могли потребоваться специфические знания: технический прогресс благоприятствовал совершенствованию средств шпионажа, к примеру, развитию видов тайнописи, в то же время начинала активно использоваться цензура телефонных разговоров, грампластинок, фотокарточек.

В оптику диссертанта закономерно попала цензура фронтовой журналистики. Разумеется, новости с фронта очень привлекали читательскую аудиторию газет и журналов, но военная обстановка требовала их существенно фильтровать. Еще до войны, в 1912 г., было принято положение, регламентировавшее работу журналистов на фронте и предполагавшее предварительную цензуру корреспонденции. Богомолов И.К. отмечает, что несмотря на известные строгости, контроль над фронтовыми корреспондентами являлся гибким, поскольку имелось

понимание необходимости подробного освещения боевых действий, не в последнюю очередь для того, чтобы тыл поддерживал военную повестку, а в союзных и нейтральных странах улучшался образ русской армии.

Третья глава диссертации посвящена цензуре печати (т. 2, с. 3–142). Внутреннее состояние страны в ходе войны ухудшалось, порождаемые ею тяготы и лишения для населения только прибавлялись, царское правительство испытывало нарастающее давление оппозиции и утрачивало контроль над ситуацией – всё это в той или иной мере освещалось прессой, что было, конечно, нежелательно для верховной власти, увидевшей в военной цензуре действенный инструмент контроля над распространением информации невоенного характера. Этому способствовали цензурные правила, позволявшие цензорам широко применять собственное усмотрение в оценке допустимости того или иного материала, чем они и пользовались.

В зону ответственности военной цензуры постепенно попадали далекие от войны темы, вообще стирались границы между военными и невоенными материалами. Навязываемые цензурными органами ограничения и постоянное расширение перечня запретов, как подчеркивает Богомолов И.К., ухудшало качество труда цензоров, приводя к многочисленным ошибкам и непоследовательности в принятии ими решений, а также уменьшало эффективность надзора за печатью в целом. Наверное, следует согласиться с автором, что регулирование содержания прессы с помощью распоряжений властей «лишь усиливало политический кризис, способствовало распространению слухов в обществе и приближало революционный взрыв» (т. 2, с. 142). Показанная диссертантом ситуация подталкивает попросить его войти в оценку степени достоверности информации, под описанным контролем цензуры в итоге публиковавшейся в прессе.

Четвертая глава имеет название «Цензура публичных зрелищ, речей и докладов в 1914 – феврале 1917 гг.» и рассматривает главным образом надзор за тем, что показывалось в театре и кино, говорилось на публичных

выступлениях (т. 2, с. 143–224). Причем про театр и кинематограф «Временное положение о военной цензуре» молчало, установив контроль над речами и докладами. Довоенный порядок драматической цензуры оставался практически неизменным вплоть до Февральской революции, хотя обстоятельства трансформировали и его. Так, драматическим цензорам предписывалось запрашивать мнение военно-цензурных комиссий по поводу допустимости постановок, показывавших сражения и фронтовую повседневность. С началом войны происходило усиление военной цензуры в кино. Проникала она даже в придворную хронику, поскольку теперь жизнь монарших особ тесно переплеталась с военной повседневностью, например, члены царской семьи показывались в лазаретах или при объезде войск.

Относительно надзора за публичными выступлениями – в частности, лекциями – вмешательство военной цензуры едва ли можно признать эффективным. В диссертации указывается, что на этапе этого вмешательства происходили наибольшие процедурные задержки, но затем цензорами разрешались практически все лекции, ведь у них, получавших только краткие конспекты намечаемых выступлений, на основании такого скудного материала не возникало повода отказывать лекторам. Официальному оппоненту в архивах приходилось знакомиться с соответствующей документацией. Могу подтвердить написанное Богомоловым И.К.: в органы, разрешавшие публичные мероприятия, поступали иногда настолько несодержательные тезисы выступлений, что составить представление о будущем докладе было просто невозможно.

Цензуре периода революционных потрясений посвящена пятая глава диссертации (т. 2, с. 3–118). Положение цензурных органов после Февральской революции было неоднозначным. В конце февраля в столице приостанавливалась их деятельность, звучали призывы вовсе отказаться от надзора за прессой, кто-то из руководства службы вступил в сотрудничество с новой властью, где-то начальники покинули свои посты, и увольнялись

рядовые цензоры. Обычной была ситуация, когда цензура на местах и на фронте препятствовала распространению новостей из столицы. Описываемое в диссертации состояние цензурных учреждений и практик напоминает хаос, что наверняка не устраивало новую власть и делало насущным выработку цельной цензурной политики. Однако правительственные шаги по ее проведению едва ли были уверенными, и Богомолов И.К. подчеркивает, что Временное правительство «осторожно вводило новые правила о печати» (т. 2, с. 33), указывая, в частности, что «отдельные и разрозненные решения по военной цензуре не складывались в единую политику» (т. 2, с. 44).

Кризис военной цензуры показали события, связанные с выступлением Л.Г. Корнилова, ставшим поводом к резкой активизации репрессий против прессы и выявившим недостатки военно-цензурной системы, оказавшейся в нужный момент расстроенной и неэффективной. Цензурная политика после октябрьского переворота не имела преемственности с таковой политикой прежних властей. Классовый подход подразумевал, что буржуазия лишится возможности издавать свою прессу, проводилась национализация типографий и их оборудования, а также бумаги, началось закрытие неугодных изданий, военно-цензурная система периода Первой мировой войны ликвидировалась.

Из заключения диссертации следует, что поставленные задачи в основном решены. Судя по имеющемуся тексту, работа состоялась, представляя собой цельный и законченный научный продукт, а ее автор продемонстрировал навыки специалиста-исследователя, достаточные для присуждения искомой степени. Представленный автореферат полностью соответствует диссертационному исследованию. Диссертация Богомолова И.К. отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а

также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, Богомолов Игорь Константинович заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,

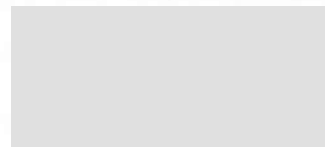
ведущий научный сотрудник

Института региональных исторических

исследований ФГАОУ ВО

Национальный исследовательский

университет «Высшая школа экономики»

Крестьянников Евгений Адольфович

Контактные данные:

тел.: +7-495-771-32-32, e-mail: ekrestyannikov@hse.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.02. Отечественная история

Адрес места работы: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Тел.: +7-495-771-32-32, e-mail: regionalhist@hse.ru

Подпись Крестьянникова Е.А. заверяю:

Подпись заверяю

06.04.2026

